

Константин Фрес

Старая эльфийская сказка

<https://litres.ru/74203623>

Аннотация

Я начал слышать песни Эльфов давно. Однажды, помню, во сне я увидел Эльфийку. Она убегала, а я догонял. Белое платье на ней развевалось, длинные рукава, словно туман, стлались по ветру, она оборачивалась и смеялась и смех её был пугающим и странен. Поутру я проснулся на лесной поляне, в высокой траве; когда охотники нашли меня и вернули домой, мать сильно плакала и ругала меня, говоря, что я окаянный неслух, убежал ночью блудить в темноте, но я понял, что она говорит это потому, что в дом беда постучалась. Я слышал Эльфов. Мать потом говорила, что прекрасные Эльфийки в развевающихся платьях, с красивыми шелковистыми волосами, красными губами — это приманка, а сами Эльфы страшны и жестоки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	23
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Я начал слышать песни Эльфов давно.

Однажды, помню, во сне я увидел Эльфийку. Она убегала, а я догонял. Белое платье на ней развевалось, длинные рукава, словно туман, стлались по ветру, она оборачивалась и смеялась и смех её был пугающ и странен.

Полуночью я проснулся на лесной поляне, в высокой траве; когда охотники нашли меня и вернули домой, мать сильно плакала и ругала меня, говоря, что я окаянный неслух, убежал ночью блудить в темноте, но я понял, что она говорит это потому, что в дом беда постучалась.

Я слышал Эльфов.

Мать потом говорила, что прекрасные Эльфийки в развевающихся платьях, с красивыми шелковистыми волосами, красными губами — это приманка, а сами Эльфы страшны и жестоки.

Они темны, как самая непроглядная ночь, они похожи на оживший мрак, на губительный туман, их тела словно высечены из скал, а горящие глаза зелены, как отравленная луна. Они нарочно смущают людей песнями и танцами своих Эльфиек, чтобы заманить к себе и погубить. И нет ничего хорошего в Эльфах. А тот, кто слышит их песни и поддается им, навеки исчезает из дому, и потом уж находят его косточки где-нибудь в степи.

Тогда я здорово напугался и даже думать позабыл о песнях Эльфов.

Но потом это повторилось вновь.

Я снова видел эту Эльфийку, в том самом лесу, который видел в своих снах в первый раз.

Она стала старше и еще прекраснее. Я рассмотрел даже цвет её глаз, синий, как море, и уловил запах её духов. Она приложила палец к губам — тс-с-с! — и приподняла рукой темные лапы ели.

Там, скрытые от глаз, сидели у ночного костра Эльфы.

Они не были похожи на тех чудовищ, о которых рассказывала мне мать.

Они были светловолосы и худощавы. У всех были спокойные светлые лица и невероятно умные, глубокие глаза.

Они внимательно смотрели на меня и молчали.

...И я вновь проснулся в лесу, только еще дальше, чем в прошлый раз, почти у самой верфи. Так далеко не мог уйти обычный человек. Ни у кого не хватило бы на это сил. Скрывать мой недуг стало невозможно.

Мать снова плакала и ругала меня, но люди не верили ей и сторонились меня. Пошли шепотки, и не раз я слышал, как мою мать называли Эльфийской потаскухой, а меня Эльфийским вырождением.

Знахарь, поивший меня отваром горьких трав, от которых язык жгло, так не говорил. Он утешал меня, говоря, что моим отцом не мог быть Эльф. Он говорил, что Эльфов уже

сотни лет не пускают на территории людей, и если хоть один из них появился бы в округе, Охотники за длинными ушами вмиг почуяли б его и убили. Так же он сказал, что я просто одержим Эльфами, и если меня не лечить, то быть мне их жертвой, как и другим таким же, которым они являлись во сне.

А значит, однажды я могу уйти навсегда, и никто, никогда меня больше не увидит.

Поселок наш стоял прямо посередине леса. Целый зеленый океан и крохотный островок, на котором живут люди. Лес шумел на ветру, а люди слышали угрожающие голоса Эльфов, от которых они отгородились частоколом из заостренных бревен. На дозорных вышках день и ночь дежурили Охотники с соколами, но все было тихо, всегда. Из поселка трудно было выбраться, и совершенно непонятно, как я, маленький мальчишка, умудрился незаметно для Стражей выйти за пределы поселка.

Говорили, что Эльфы очень стары. Им сотни и тысячи лет, и они разучились любить и рожать детей. Время от времени кто-нибудь из них умирает, уходит навсегда в Темноту, в Вечность, их становится все меньше и меньше.

Поэтому они зовут людей, завлекают их прекрасными песнями своих женщин. Они похищают таким образом тех, кто с ними в родстве, ведь не каждый рождается с этой странной способностью. Они очаровывают людей, заставляют их терять разум и бежать ночью в лес, перебраться через частокол, пе-

ресечь бурный и очень холодный ручей и исчезнуть потом навсегда в страшном лесу. Они манят людей.

Чтобы потом превратить их в Эльфов.

Так говорили старики.

Что на самом становилось с теми, кто слышал их песни, никто не знал.

Глава 2

Время шло.

Я рос, но болезнь моя не отступала и даже знахарь ничего не мог с ней поделать.

Его отвары становились все горше и горше, меня от них рвало, а зеленая ядовитая убывающая луна, похожа я на прищуренный эльфийский глаз, начинала плясать по всему небу.

Обычным одержимым хватало и года лечения. Мне же становилось все хуже. Каждый раз, когда луна шла на убыль, на меня накатывали эти видения. Мужчины вязали меня по рукам и ногам, чтобы я не убежал в лес, а я бился в припадке и ядовитая луна улыбалась мне.

От горя мать совсем состарилась. И дело тут было не только в моей болезни. Они уже отчаялась вылечить меня и вычеркнула из своего сердца. Она больше обо мне не думала.

Теперь её печалила собственная участь, потому что прозвище "эльфийская шлюха" приклеилось к ней намертво, и только ленивый не плевал в её сторону. Даже в мою сторону было отпущено меньше насмешек и оскорблений, чем в её.

Меня считали больным и юродивым, а её считали виновной в моей болезни. Меня жалели, а её ненавидели.

Раньше она была высокой, статной женщиной, темноволосой и темноглазой. Теперь она превратилась в высохшую,

сгорбленную старушку. Её волосы были абсолютно седые, а лицо испещрено морщинами.

Она состарилась быстро, враз, словно кто-то или что-то высосал из неё молодость и жизнь.

Неужели то, что говорят люди, правда?

Однажды я набрался смелости и подошел к ней с этим вопросом.

— Скажи, это правда? — проговорил я с напором. — Мой отец правда... Эльф?!

Она глянула на меня с ненавистью. Её губы изогнулись, и она не сказала, нет, она выплюнула это признание мне в лицо.

— Эльф! Да, он был Эльфом, этот... этот..!

Она гневно кричала еще что-то, какую-то хулу тому, кого когда-то любила, трясаясь от злобы, но я не слышал её слов. Эта правда, о которой я даже помыслить не мог, сразила меня. Отец-Эльф.

— Но как?! Вокруг деревни дозорные! Охотники на вышках! Соколы! Ты уходила в Лес?

Она расхохоталась, страшно, жутко.

— Зачем мне было уходить в лес? Он сам приходил сюда, в деревню! А Охотники... что они могли сделать ему? Кто мог поймать его? Он был невиден, дитя ночи. Он сливался с мраком, он был черен, как непроглядный мрак, как лесная чаща. Люди стояли рядом с ним и не видели его. Как они могли помешать ему?

— За что же ты ненавидишь его? Ты любила его?

— Нет! — закричала мать, корчась, словно под пыткой.

— Нет! Ни дня! Он оговорил меня своими проклятьями, он околдовал меня! Я хотела вспороть себе живот, когда поняла, что брюхата его выродком!

— Почему ты не ушла в лес? — спросил я. Брань матери и её проклятья были мне очень обидны, очень.

Я ни в чем не виноват. Даже рожденный таким образом, я ни в чем не виноват.

Нас, одержимых (а теперь я могу сказать точнее — полужельфов), оказывается, много.

Кто знает, каким образом были зачаты они. Но у каждой матери в сердце нашелся уголок для своего дитя.

Глава 3

Со времени нашего разговора с матерью прошло еще полгода.

Болезнь моя не прошла, а лишь усугубилась.

Ядовитая луна звала меня теперь каждый месяц, несмотря на все усилия лекаря. Я рвался из рук связывающих меня мужчин, и четверо уже с трудом справлялись со мной, пока лекарь вливал свой отвар в мой рот.

Он плевался и ругал меня самыми погаными словами, потому что перевел на меня все свои травы, и даже самый дорогой и редкий Святоцвет. Святоцвет цвел в самой глуши, туда редко отваживался кто ходить, да и найти его мог не всякий, а лишь опытный травник. Потому-то Святоцвет и стоил так дорого.

Считалось, что отвар из него очищает душу и тело ото всякой нечисти, но процесс очищения был опасен и тяжел. Больные, принимающие Святоцвет, бились в судорогах, разрывали на себе одежду, потому что им казалось, что кожа на теле горит. Я видел, как юродивая Марта, родившаяся косой и немой, пускающей слюни, после лечения Святоцветом стала тиха, скромна, и даже начала понимать, что от неё хотят.

От косоглазия она не избавилась, но община приобрела послушного и усердного работника в её лице. А что еще нужно от человека? Кажется, её даже выдали замуж, потому что

она научилась готовить и стирать.

Святоцвет творил чудеса; и применяли его в самую последнюю очередь.

Видимо, не со всеми.

Святоцвет не помог мне.

Во время припадка я расшвырял связывающих меня и покрушил мебель.

Мать говорила, что у меня глаза стали зелеными, как та самая луна, что зовет меня, и я рычал на людей, оскалив зубы.

Что я говорил, никто не понял. Кажется, я проклинал всех людей. Так говорит мать.

Но я не верю ей.

Когда было испробовано последнее средство, и когда оно не помогло, мать отступилась от меня.

— Кровь Эльфов слишком сильна в тебе, — сказала она. Она не ругала меня, но мне не нужно было слов, чтобы понять, что она ненавидит меня до глубины души. — Ты никогда не будешь нормальным, никогда.

И она отдала меня старухе, что жила на окраине поселка. Худшей доли и представить себе нельзя было.

Старуха это была просто воплощением зла в моем понимании.

Она уже давно жила одиноко, и сколько я её помню, она была стара и зла.

Те, кто иногда появлялся в её доме и помогал ей по хо-

зайству, скоро исчезали.

Сначала их видели в деревне. Все они, как один, были неухожены, грязны, оборваны и как будто бы не в себе. Они становились юродивыми как Марта.

Потом их находили в какой-нибудь канаве. Мертвыми.

Осмотрев меня, старуха засмеялась.

— Крепкий, — сказала она, треснув меня по ноге своей палкой. — Хороший получится раб из тебя, эльфик.

За еду и кров я стал работать на неё.

К работе я был привычен — мы с матерью жили одни, и всю тяжелую работу по дому выполнял я.

Но была еще одна особенность проживания у этой старухи.

Каждый вечер она поила меня своим зельем.

Привычный к горьким травам, я послушно их пил, и со мной происходили странные вещи.

Зелье старухи делало меня счастливым, я забывал об усталости и даже пытался плясать и петь.

И зеленая ядовитая луна не звала меня уже так сильно. Случалось, я ругался на неё, отражающуюся в ручье, и она гасла, становилась бледной и белой.

Свой восемнадцатый день рождения я встретил в грязной луже, с головной болью, больной и разбитый.

Вот в чем был ужас моего положения, и всех тех, кто жил у этой старухи до меня.

Старухе отдавали людей, которых община считала ник-

чемными и ущербными, чтобы она медленно сводила их в могилу. Никто в поселке не взял бы на свою душу такой грех, как убийство человека, и старуха тоже.

Но к её зелью привыкали, и уже не могли без него жить. А оно медленно отравляло людей, и они просто умирали.

Глава 4

Жизнь моя у старухи потекла однообразно и страшно.

Я почти потерял человеческий облик. Одежда моя быстро приходила в негодность, потому что, пьяный, я не выбирал места, где мне упасть.

Мылся я тоже крайне редко, лишь тогда, когда старуха забывала влить в меня свою отраву, и голова моя способна была соображать. Волосы мои отросли настолько, что их можно было сплести в косы, но кому придет в голову копаться в грязных, спутанных волосах?

Отравленный старухиным варевом, я не мог есть и ото-щал так, что даже прошлогодняя одежда висела на мне мешком. От голода я ослаб, и когда старуха, недовольная чем-то, колотила меня палкой, я не мог сопротивляться ей. Каждый вечер, когда я кое-как справлялся с чашкой каши, она принуждала меня пить свою отраву. Если я противился, она колотила меня, валила на пол и насильно вливала в рот свою дрянь. Потом мне становилось хорошо; яд дарил мне чувство эйфории и свободы, и дальше я пил его добровольно.

Одно лишь существо в целом мире жалело меня и изредка, украдкой, навещало меня по вечерам, когда я, опоенный, валялся у колючих кустов, окружающих дом старухи.

Это была Гурка, девчонка из деревни. Кажется, она тоже была полуэльфом. Не помню; помню только, что её так же

лечили у знахаря, и она тоже плевалась и визжала, как дикая кошка, когда её поили святоцветом. Но ей, в отличие от меня, лечение помогло.

Гурка была худой и нескладной, как паучок-косиножка. Несмотря на то, что она девочка, на ней вечно были надеты какие-то мешковатые серые штаны и огромная серая рубаха. Волосы ей остригли, отрезали, и они торчали в разные стороны, как солома в воробьином гнезде.

Чтобы навещать меня, она проделала лаз в колючих зарослях кустарника, и по этому тоннелю приходила по вечерам. Зачем? Не знаю.

Иногда она плакала надо мной, иногда расчесывала мои волосы и приводила в порядок мою разорванную одежду, иногда приносила в подоле рубашки яблоки и кормила меня.

Только однажды мы с ней говорили. Точнее, говорили-то мы часто, но лишь этот разговор я смог запомнить.

Она говорила, что нам надо уйти, уйти в лес, к своим! И я почему-то с ней соглашался, и был счастлив.

...В тот день к старухе было просто паломничество.

Во-первых, пришла моя мать. Нет, она не навещала меня. Она приносила старухе кое-какие вещи для меня (даже приговоренный к смерти, я не имел права оскорблять взоры людей своей наготой), чтобы мне было что носить, и оплату — она платила старухе её честные палаческие, чтобы та продолжала травить меня. Уморить голодом? Это было бы явное убийство. На это не согласилась бы даже всеми про-

клятая ведьма.

Значит, оставался один путь — продолжать вливать в меня свою отраву.

А во-вторых, пришел знахарь.

Он ненавидел старуху и не называл её иначе, чем «старая грязная ведьма». Но в его деле никак нельзя было обойтись без тех ядов, которые так мастерски умела варить старуха, и ему приходилось приходить к ней, и покупать её варево.

Его визиты всегда начинались одинаково. Он заходил в дом, поджав сурово губы и держа руки за спиной, словно боялся испачкать их, прикоснувшись к какой-нибудь скверне, и говорил всегда одно и то же:

— Я пришел по необходимости.

И каждый его визит оканчивался одинаково: раздраженный, оскорбленный старухой, её гадкими словечками, отпущенными в его адрес, он разражался такой бранью, что я только диву давался, почему это земля не разверзалась у него под ногами, и как это оттуда не выскакивали демоны, чтоб забрать его в преисподнюю за сквернословье, а старуху за грехи её.

И это раз не был исключением.

Я сидел у тайного лаза, и Гурка, снова стащившая из дому нехитрую еду, угощала меня хлебом и печеной на углях колбасой. Это давало мне некую надежду на то, что отравы старухи не так уж сильно на меня подействует, я наберусь сил и удеру от неё.

Выскочивший из дома знахарь нос к носу столкнулся с подошедшей к дверям старухиной хижины моей матерью, и от этой негаданной встречи разозлился еще пуще.

— И ты здесь! — проорал он, плюнув ей под ноги и завернув такое ругательство, что я лишь изумленно головой покрутил, а Гурка густо покраснела и поспешно юркнула в кусты. — Шлюха! Ведьма!

Мать ничего не ответила на его оскорбления.

Странно, но мне показалось, что её бледные губы на миг тронула какая-то злорадная улыбка, а её голова, украшенная венцом из совершенно белых кос, поднялась гордо, даже величественно.

— За что погубила парня?! — зло прошипел знахарь, ткнув в мою сторону пальцем. — В чем он виноват?! В твоём грехе?! Ведьма! Ведьма! Ты родилась, чтобы пить кровь!

Мать, равнодушно отвернувшись от поносящего её знахаря, молча выслушала все его крики и оскорбления, дождалась старуху (та выползла проводить дорогого гостя и забрать у матери принесенное ею тряпье), сунула в сморщенную старушечью ладонь медяки, и ушла, так и не проронив ни слова.

Старуха смотрела её вослед, опершись на палку. Трудно было понять, о чем она думает, но на лице её играла недобрая такая усмешка...

Знахарь, еще больше распаленный упрямым высокомерным молчанием моей матери, видимо, решил идти в посе-

лок другой дорогой, чтобы больше не видеть мать, и потому рванул в сторону кустов, рассчитывая прорваться сквозь их заросли и выскочить на дорогу позади дома ведьмы, но терновник крепко вцепился в его одежду, и он с ругательствами начал выбираться обратно.

Старуха зашлась в злобном хохоте.

— Ну, ты, раб, — крикнула она мне, — чего вытаращился? Иди, помоги господину лекарю выбраться! Да поскорее возвращайся, не то отведаешь моей палки.

Я повиновался.

Знахаря я высвободил быстро, потому что Гурка, юркая, как кролик, помогала мне.

Оставив на шипах клочки своей одежды, исцарапанные в кровь, мы трое, наконец, выбрались из кустов и уселись передохнуть на обочине дороги.

Знахарь, все еще ворча под нос себе ругательства, уселся на камешек и достал из кармана узкую полоску холста, которым обычно перевязывают раны.

— Иди-ка сюда, красавец, — сказал он. — Подлатаем тебя. Смотри, как разукрасился!

У меня плечо было разодрано в кровь, и на щеке красовался глубокий порез. Знахарь перевязал мою руку, а Гурка отерла мое лицо.

— Что, плохо тут? — спросил лекарь, хоть и наверное знал ответ на этот вопрос. — И-эх!

— Почему ты не смог меня вылечить? — спросил я, и он

впервые глянул мне в глаза.

— Вылечить? — переспросил он и усмехнулся. — От чего тебя лечить? Ты здоров. А то, что в твоих жилах течет эльфийская кровь, не делает тебя больным.

— Зачем же ты берешься лечить нас?! — удивился я.

— Затем, чтобы вам не было так трудно жить среди НАС, — ответил он, и снова вздохнул так тяжело, словно совесть грызла и душила его невыносимо. — Сядь-ка и послушай меня, мальчик. Эльфы издревле были хозяевами этих лесов; откуда мы, люди, пришли, никто не помнит. Ну, может, и помнит кто, но скрывает это тщательно, чтобы... чтобы ни в чьей голове не родилась мысль о том, что неправильно мы себя ведем, чужаками, да в чужом доме! Поначалу люди и эльфы мирно жили. Эльфы вечно заняты своим делами, они в нашу жизнь не вмешивались. Кому интересны букашки, чей век недолог?! А сами Эльфы живут долго, очень долго. Мой прадед видел эльфийского мальчика, когда ходил в лес на медведя, и прадед мой встречал его же на берегах реки, и я видел этого же мальчика прошлым летом — и тот не постарел ни на день! А вот мы, люди, любопытны, и кровь наша горяча. Люди стали воровать эльфийских женщин. Они женились на них без их на то согласия, утаскивали из домов тайно, ночами, когда семья спала. Наверное, старцы хотели до самой смерти греться в постелях с вечно юными женами. Да только Эльфов это не устраивало. Они вступились за своих женщин. Так начались первые войны, которые переросли

в вечную вражду. Не стало причины сдерживать свои низменные желания, когда и так идет вражда. Люди начали выжигать эльфийские города, грабить их дворцы. Эльфы начали убивать людей. Нельзя злить Эльфов! Они жестоко умеют мстить! Давно, очень давно вместо этих лесов была великая империя людей. Были города, и дороги, дворцы. Люди жили в прекрасных домах, одевались в красивые яркие одежды. Эльфы, обозленные людской наглостью жадностью, разрушили все. Камня на камне не оставили. Людей они загнали в самые глухие леса, в болота, и убили бы всех, всех до единого, если б не прошло так много времени, и гнев их не остыл.

Люди перестали быть просто людьми. Они стали все сплошь Охотниками, которые вечно сидят на вышках и высматривают опасность в ночи, да только увидят ли они её! Эльфы могут проходить сквозь самые крепкие запоры, и кто знает, как им это удастся.

Я слушал и поражался.

Со слов знахаря выходило так, что это люди, а не Эльфы, как меня тому учили всю жизнь, исчадия ада. Но как он мог говорить такое?!

— Но почему же? — начал было я, но знахарь перебил меня.

— Почему говорят другое? Почему поносят эльфов и ненавидят их? Потому, что Эльфы — это напоминание о грехах прашуров. Кто хочет быть потомком вора? И кто при-

знает свою вину в том, что теперь нужно вечно жить с мечом в руках и всего бояться? Да и отчасти люди правы: Эльфы подстерегают людей всюду, и всяк Эльф убьет человека, если увидит. Люди нанесли Эльфам огромное оскорбление, насилуя их женщин, такое Эльфы людям не простят никогда. Они нам враги, вот и все.

Глава 5

Я припомнил слова матери и недобро усмехнулся. Оскорбление! А не то ли самое делают эльфы, плодя таких вот, как я, полукровок?

— Эльфы никогда такого не делали, — отрезал знахарь, покраснев до корней волос. — Эльфы никогда не брали наших женщин силой. Твоя мать лжет тебе, мальчик. Это её грех. Она любила твоего отца, любила, и ради неё он не стал уничтожать эту деревню.

— Отчего же она теперь ненавидит его?

— Оттого что глупа и горда, — знахарь усмехнулся. — Она вообразила, что имеет какую-то власть над ним, она думала, что может играть его сердцем, как жонглер — яблоком. И будто сердце это всегда вернется к ней после того, как она подкинет его. Но она позабыла, с кем имеет дело. Она прогнала его и он больше не вернулся, и с собою не позвал. Он не дал ей играть с ним. За это она его ненавидит.

— А ты откуда все это знаешь?

Знахарь вздохнул еще раз.

— Я мог бы быть твоим отцом, — тяжело ответил он, и желваки заиграли на его скулах. — В то лето, когда твоя мать понесла, в селе были пришлые. Люди из другого поселка, очень далекого. Узнав, что она беременна от другого, я даже обрадовался, дурак. Новая кровь в поселке, в замкнутой об-

щине — это всегда хорошо. Это давало ей привилегии; община выделила бы нам хороший дом, а ты был бы завидным женихом, если б родился человеком.

Но она в гордыне своей отвергла меня. Тогда она еще жила с твоим отцом; он приходил к ней тайно, ночами, и поэтому его никто не видел. С гордостью она рассказывала мне, что её избрал эльф, смеялась, и рассказывала, как он красив, не то что я, деревенский увалень, у которого руки кривые, как корни деревьев. Она говорила, что с ним уйдет, что станет важной персоной, не то, что мы, жалкие грязные животные. И вместо всего этого получила одиночество и позор. За это она ненавидит тебя.

Знахарь долго еще молчал, вспоминая былое.

Потом, видимо какая-то мысль пришла ему в голову.

— Знаешь что, — сказал он. — Уходить тебе отсюда надо. Тебе только б раз услышать Зов, и никто не удержит проснувшегося в тебе эльфа.

Гурка встрепенулась и придвинулась ближе. Обычно она была немногословна, и за неё говорили её глаза, черные, как ночь. Теперь они умоляли знахаря сказать, что и ей, и ей пора убираться отсюда!

Он не мог не заметить её молчаливой отчаянной просьбы; положив ладонь на её лохматую макушку, он глянул ей в лицо и произнес:

— Да. Время пришло. Вам обоим пора уходить. Её с собой заберешь, когда пойдешь. Ей тоже здесь не жизнь.

Я лишь усмехнулся.

— Посмотри на меня, — сказал я глухо. — Я болен и слаб. Я и себя-то еле таскаю на своих трясущихся ногах. Ей-то как я могу помочь?

— Сможешь, — ответил знахарь уверенно. — Я сумел усыпить в ней зов вашей крови, но лишь усыпить. Вечером постарайся быть здесь, я пришлю её, — знахарь кивнул на Гурку, — с лекарством для тебя. Оба выпьете его; это пробудит в вас ваше начало, которое я так долго пытался усыпить. Но главное — это не лекарство, нет. Главное — ты должен хотеть вспомнить, кем ты рожден, и хотеть стать им. И знать, что достоин своего места на этой земле. Знать и желать этого всем своим сердцем! Тебе придется крепко пострадать! Но в обмен за твои муки ты получишь свободу.

Мне было все равно; я уже давно не ощущал ни радости, ни счастья, да и просто хорошо себя не чувствовал уже не помню сколько времени. Обычный мой день состоял из боли во всем теле, вечной тошноте и головокружении, так что я безразлично отнесся к вести о еще одном неудобстве.

— Я согласен, — ответил я. — Лучше я сдохну от твоего лекарства, чем стану и дальше превращаться в животное здесь, и жить еще долго в таком состоянии. Я согласен вспомнить Зов Крови и уйти в лес, чем бы это мне ни грозило.

— А потом?! — выпалила Гурка. — Что потом?

— Потом уйдете в лес, — ответил знахарь. — В лесу не

пропадете! Ни один Эльф не пропал.

Весь день я думал о том, что мне предстоит, и о том, что принесет мне обещанная знахарем свобода. Быть достойным... что это значит? Как я могу почувствовать сердцем то, чего не постиг разумом? Что я должен чувствовать? Я не знал ответов на эти вопросы. Но даже это зыбкое, неопределенное положение не могло отвернуть меня от той мысли, от той идеи, что внес в мою голову знахарь.

Я больше не хотел быть с людьми. Я не хотел быть среди тех, кто закрывает глаза на свои грехи и топит плоды этого греха, стараясь оттереть в этом же пруду грязь их. Я хотел быть честным.

Вечером старуха снова заставила меня пить её яд. Я не хотел ничем выдать своих приготовлений и даже сопротивлялся для приличия, и мою спину украсила пара длинных синяков — след от её палки.

— Пей, эльфийский ублюдок, — рычала старуха, тиская своими костлявыми жесткими пальцами мой рот и вливая вонючую обжигающую жидкость мне в глотку. — Пей, грязная скотина! Скоро ты сдохнешь, и на твоей могилке я посажу тыквы!

Я кашлял от дерущего мое горло зелья, а старуха все лила и лила, пока голова моя не закружилась от хмеля.

Опьянение наступило быстро. Помню, я отпихнул старуху — какая она, оказывается, легкая и слабая! — и выхватил из её руки чашку. Что есть силы треснул я её об пол, и глиняные

грубые черепки разлетелись в разные стороны, а я захохотал — странно, страшно, даже для самого себя.

Старуха, глядя на меня, хохочущего, вдруг замолкла. Задом наперед она отползла от меня, трясаясь от ужаса. А в моих глазах все кругом окрасилось в зеленый цвет, и я все хохотал и хохотал, глядя на жалкую ведьму, скорчившуюся у моих ног, и кричал:

— Ты думаешь, глупая женщина, что можешь меня победить при помощи этого?! Ты правда так думаешь?

Не понимая, зачем, я рванул со стола скатерть и на пол посыпались мисочки с толчеными солями, резанными корешками, вдребезги разлетелся кувшин с отваром ландышей.

— Ты больше никого не погубишь, старая сволочь! — прокричал я, наподдав ногой по жбану с готовым варевом, и пол залила целая река яда.

Старуха, увидев, что плоды её стараний погублены, взвилась. Слишком резво для своего возраста она подскочила на ноги и замахнулась на меня своей палкой:

— Поганый ублюдок! Да я вырежу твое сердце и скормлю его твоей матери-шлюхе!

Озверев, я вlepил ей пощечину, разбив её губы, и одной рукой, стиснув, переломал её палку. Горсть деревяшек посыпалась из моей ладони на пол, а старуха с нудным воем возилась на полу, в луже водки.

— Не смей так говорить о моей матери! — выпалил я. Странная мысль посетила мою голову впервые, и я удивился

ей, так необычна и чужда она была для меня. — Она в ответе только передо мной, но не перед вами, и уж тем более — не перед тобой, убийца!

Я схватил обломок её палки, с концом, окованным железом. Этот наконечник сковал для неё кузнец, чтоб палка, привычная для руки старухи, не стачивалась так быстро о камни. Этот острый тяжелый наконечник не раз оставлял на боках моих кроваво-синие отметины, а то и рассекал кожу до крови.

А теперь он смотрел в грудь старухи.

Я знал, что я смогу пробить им её тщедушное, хилое тело и проткнуть её черное злое сердце и даже пригвоздить старую ведьму к полу её же палкой, как поганую муху лучинкой, но...

"Эльфы не чинят насилия над женщинами!"

Эта странная фраза, прозвучавшая в моей голове, остановила мою руку, и я, рыча, оскалившись, как зверь, отбросил прочь обломок.

Я не хотел быть с этими людьми, которые легко убивают тех, кто им чужд и не нужен.

Значит, я не должен им уподобляться ни в чем.

— Живи, старая ведьма, — произнес я.

Затем я вывалился во двор. Яд давал о себе знать — я не мог стоять на ногах, и до кустов, в которых хотел укрыться, я полз на брюхе, как ящерица или змея. Старуха, боязливо выглядывающая из дверей и наблюдающая за мной, все так

же молчала, но мне казалось, что весь мир грохочет, орет, шумит, и смех, мой страшный чужой смех, наполнял его и катался по небу, как камень по железной крыше.

Я пополз; в кустах сидела Гурка — в моих глазах образ её раскачивался, трясся, двоился и расплывался. Она нетерпеливо вертелась, но опасалась выдать себя, выйти из своего укрытия, помочь мне. Иначе старуха могла б посадить меня на цепь, и тогда побег отодвинулся бы на неопределенное время, если не на всегда.

С трудом я вполз под ветки, укрывающие её и меня от взгляда старухи. Меня страшно мутило от выпитого, но я четко помнил, зачем я здесь и понимал, что за склянку сжимает в руке Гурка.

— Давай, — велел я, протянув руку. — Сейчас или никогда.

От лекарств знахаря рот мой потрескался, и живот словно обожгло.

Я кричал так, что глаза мои кровью налились, так, словно с меня живьем кожу сдирали и поджаривали одновременно, и меня рвало, страшно рвало. Та боль, что причинял мне колючий кустарник, в котором я катался, не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось со мной от его зелья. Гурка в ужасе шарахнулась прочь, не то я зашиб бы её в своем помешательстве.

Старуха на пороге своего дома зашлась в хохоте.

Не знаю, была ли она юродивой или просто душа её была

чернее ночи, и она действительно получала радость от страданий других существ; однажды, давно, я видел, как она точно так же злорадно смеялась, когда одному из её пьяных рабов капканом отрубило руку, и он, визжа, как подстреленный кролик, валился в пыли, сжимая кровоточащую культю.

Только Гурка этого не вынесла.

Она выскочила из-под кустов, в которых пряталась, и встала во весь рост.

Ночной ветер трепал её обкромсанные, изрезанные волосы и грубую рубаху, но она стояла так гордо и прямо, что казалось, будто она королева.

— Замолчи! — крикнула она, и её слов прозвучали, как приказ. Из её руки, протянутой в сторону ведьмы, вырвался яркий свет, зеленое пламя, и тотчас языки его заплясали на одежде старухи, насквозь промокшей в разлитом мной зелье.

Старуха запоздало спохватилась, стала прибивать расцветающие на её тряпье зеленые языки пламени, но тщетно. Огонь охватил её всю, взобрался на её голову, и среди его зеленых бьющихся лент её кричащий рот разевался, как черный провал.

Зеленое пламя, карабкаясь по лужам водки вверх по ступеням, охватило её дом, и она, подобно факелу, носилась перед ним, размахивая руками. Свет от этого пожараща поднялся высоко к небу, и изумрудные искры летели к самой луне.

Это означало, что Эльфы посетили поселок и выжгли пят-

но скверны, что несли люди этим землям.

Глава 6

В поселке поднялась суматоха. Гурка, навалившись всем телом, удерживала меня в спасительных зарослях. Люди бегали вокруг зеленого пожарища, кричали, лаяли их псы. Разлетающиеся искры, попадая на одежду, мгновенно прожигали огромные дыры, оставляли на коже людей волдыри. Люди проклинали нас и наше поганое колдовство, хлопали по тлеющей одежде, прибывая пламя, обжигались вновь, и рыдали от бессилия и злобы.

Старухино зелье, как ни странно, спасло нас. Желая пустить собак по следу, люди совали собакам какую-то рвань, которую я раньше носил, но теперь от меня пахло лишь ядовитым варевом старухи. Собаки бегали мимо нашего укрытия, не обращая на нас внимания, чихая от едкого запаха водки.

Понемногу возня вокруг горящего дома стихла. Люди, отчаявшись потушить его, больше не носили воду и не плескали её в бушующее зеленое пламя. Погоня с собаками ушла в сторону дороги. Люди подумали, что мы ушли по ней в лес, чтобы там выйти на заброшенную просеку и по ней добраться до старого эльфийского поселка, в котором, по слухам, обитали духи. Обычно люди не совались туда, но теперь ярость их была намного сильнее страха перед духами Эльфов. Они готовы были сразиться и с древними королями

Эльфов, встань они нам на защиту.

Боль во всем моем теле тоже утихала, уходила, растворялась. Дыхание мое выравнивалось, и вместо горечи и гари я чувствовал запах трав, растущих под моей щекой. Трясущейся рукой я обнял Гурку и крепко прижал её к себе. Её сердце колотилось прямо напротив моего, трепыхалось быстро-быстро, как птичка.

— Тише, — произнес я, хотя все мое лицо все еще дрожало мелкой дрожью от перенесенной боли. — Успокойся. Все кончено.

А потом был бег.

Я помню, как в небе отразилась зеленое пламя, окрасив в свой древний цвет луну, и я ощутил ликование и давно позабытую радость. И я побежал туда, в лес, за который уходила луна, маня меня вслед за собой.

Помню траву, целое море темной травы, её шелест, над которой я летел, почти не касаясь её. Мне было так легко, словно я сам превратился в мотылька, в мохнатого ночного мотылька, напившегося нектара в раскрывшихся фиолетовых бархатистых цветах. После бескрайнего поля шел лес — помню танец светляков перед моим лицом в темноте и темные стволы замшелых деревьев, меж которых их таинственные огоньки меня провожали. Там, в царстве теней и запахов разворачивающихся свежих побегов я ощутил себя дома, и смеялся от счастья.

Утро мы встретили в лесу.

Я проснулся оттого, что луч солнца немилосердно жег мое лицо.

Я не сразу сообразил, где нахожусь, и как я сюда попал. Ночное колдовство все еще было живо в моей памяти, и я не хотел открывать глаз, чтобы это хрупкое и прекрасное воспоминание оставалось со мной как можно дольше.

— Вставай, — услышал я голос Гурки. — Я же вижу, ты уже не спишь!

Я открыл глаза и сел торчком, раскрыв от изумления рот. Мы с Гуркой были в лесу, на крохотной поляне, со всех сторон окруженной деревьями. Я совершенно не знал этой местности. Куда ни глянь, всюду сплошной стеной стояли вековые сосны, а близ нашего поселка росли лишь дубы. Как мы попали сюда?! Да и где мы вообще?!

— Ты бежал всю ночь, — произнесла Гурка, глядя на меня восхищенными глазами. — Ты бежал и нес меня. Я и не знала, что ты такой сильный.

— Я сам не знал, — произнес я.

Вместе с дневным светом вернулась и боль. Тронув лицо, я нащупал несколько глубоких ран на щеках, один из глубоких порезов пересекал бровь, и глаз был не поврежден благодаря какому-то чуду. Губы тоже пересекала царапина, и даже улыбаться было больно.

Все мое тело сетью покрывали царапины и порезы, одежда была приведена в полнейшую негодность. Всем этим я был обязан терновнику, в котором катался в припадке. Гур-

ка смотрела на меня с состраданием, и на её глаза наворачивались слезы.

— Сильно тебе досталось, — сказала она, и я криво усмехнулся.

— Ничего. Это не самое страшное, что могло с нами случиться.

Неподалеку тек ручей, и Гурка помогла мне пойти до него. Странно, но та сила, что ночью несла меня через поле, вдруг испарилась, я снова стал тем, кем был до этой ночи, больным и избитым мальчишкой.

У ручья, в тени, мне стало лучше. Я уселся в траву, и Гурка аккуратно причесала мои отросшие волосы обломком гребешка, нашедшемся у неё в кармашке. В этом же кармашке оказался у неё и крохотный осколок зеркала, и я смог рассмотреть себя — зрелища ужаснее и представить себе было трудно.

Мое исцарапанное лицо было изуродовано бесповоротно. Когда-то у меня был вполне приятный вид, а теперь от него и следа не осталось. Мои отросшие волосы были густые, черные, непослушные, похудевшее лицо было бледно. Над бровью был вырван клочок кожи, уголок рта был разорван чуть не до середины щеки. Конечно, царапины и порезы зарастут, но шрамы останутся навсегда. Единственное, что уцелело — это глаза темного синего цвета да острый нос. Гурка смотрела на меня и плакала от жалости.

— Ну и уродец, — сказал я со смехом. Мне не было жаль

себя, но слезы Гурки словно прожигали мне сердце, и мне очень хотелось её утешить. — Как думаешь, не назваться ли мне Терновником? Подходящее имечко для такого эльфа, как я.

Гурка закрыла лицо руками и заплакала еще горше.

Я скинул одежду и влез в ручей. Вода в нем была обжигающе-холодной, но мне просто необходимо было смыть с себя запах гари, грязи и всего того, чем была наполнена моя жизнь в последнее время. Вода смыла запекшуюся кровь и грязь, и я почувствовал себя чистым, таким чистым, каким не был, наверное, и при рождении.

Выскочив из ручья, я, трясаясь всем телом, побежал туда, где оставил свою одежду, но на месте её не оказалось.

— Эй, Гурка, что за шутки? — крикнул я, беспомощно оглядываясь по сторонам. — Это не смешно! Мне холодно!

Но Гурка не ответила мне; вместо нее передо мной возник Эльф, словно из ниоткуда. Это был высокий худощавый мужчина, светловолосый, в зеленой одежде лесника. Оружия при нем я не видел, но, однако, был уверен, что оно есть.

— Не кри-чи, — произнес он с явным усилием, стараясь правильно выговаривать слова, и погрозил мне пальцем. — Здесь кри-чать нель-зя. Кто вы?

Тут я разозлился. Что за черт?! Стащил одежду, оставив меня голышом, и заводит разговоры. Нашел время!

— Мы ушли от людей, — ответил я зло. — Мы полукров-

ки, Эльфы.

Слово "полукровки" действовало на Эльфа. На его красивом лице промелькнула смесь жалости и ярости. Он ступил ко мне ближе, протянул ко мне руку и приподнял мое лицо за подбородок.

— Полу-кровки, — повторил он. — Дети Эльфов?

— Да, — подтвердил я.

Глава 7

— Мы ушли от людей, — сказал я. — Они ненавидели нас, и мы не смогли больше с ними жить.

Эльф промолчал. Даже если б с его губ сорвались слова сочувствия и утешения, я бы все равно его не понял.

— Прикройся, — велел он мне, сняв с себя плащ и протягивая его мне. Его одежда была из тонкой, но плотной ткани, и я, накинув его плащ на плечи, моментально согрелся.

Эльф кивнул головой в сторону опушки, мол, пошли, и я послушно последовал за ним. А что мне оставалось делать?

На опушке нас ожидали еще пара Эльфов. Это были одинаково светловолосые, высокие, худощавые лесники. Оба они были одеты в зеленые одежды, которые помогали им скрываться от чужих глаз в лесу. Судя по тому, что, кроме ножей на поясе, у них с собой были еще и луки со стрелами, а на ногах у них были удобные мягкие сапожки, это были пограничники, дозорные.

Они охраняли Гурку. Признаюсь, у меня от сердца отлегло. Глядя на их стрелы с черными острыми наконечниками, которые способны пробить и сталь, на огромные луки, которые, наверное, бьют на расстояние в целую милю, в воображении своем я невольно рисовал себе самые ужасные картины. Мы находились в Диком Лесу, на их территории, и они могли подстрелить любого из нас, не разбираясь. Луки их

висели у них за спинами, и в руках никакого оружия не было, но сдастся мне, вздумай Гурка хоть пальцем двинуть, они успели бы.

Однако, она была жива и невредима. Съежившись в комочек, она сидела в траве, испуганно поглядывая то на своих стражей, то на меня. Она была напугана, и, наверное, больше за меня, чем за себя, но страх не позволял ей произнести ни звука. Всю жизнь она слышала об эльфах такое, что хуже них мог быть только людоед, пожирающий печень у новорожденных младенцев, а теперь она видела их вживую, рядом с собой, с нацеленным на неё оружием.

Есть отчего испугаться, не так ли?

— Не бойся, — ободряюще сказал я. Я очень хотел, чтобы она перестала так затравленно глядеть, и чтобы с лица её исчезло покорно-рабское выражение, ожидание неминуемой беды, боли и обреченности.

При виде нас оба Гуркиных стража как будто бы отступили от неё.

Эльф, что сопровождал меня, положил руку мне на плечо.

— Мэлроп, — произнес он. Одно-единственное короткое слово на его языке, и эльфы, сторожившие Гурку, отступили от неё, словно выпуская её из плена.

Я раньше ни разу не слышал этого слова, но тотчас же понял, что оно обозначает.

Полукровки.

Полуэльфы.

Дети любви.

Охранявшие Гурку Эльфы переглянулись. "Что? — как бы говорили их растерянные лица. — Эти двое жалких оборванца родня нам по крови?"

Мой провожатый кивнул согласно головой в ответ на их немое изумление.

— Мэлроп, — повторил он уверенно. — Так изувечить могли только за кровь.

Эльфы враз заговорили на своем языке, перебивая друг друга и указывая на нас пальцами. Верно, оба дозорных не верили в слова своего предводителя, и доказывали ему что мы шпионы.

Но он снова лишь покачал головой, отрицая их горячие доводы.

Эльфы обступили меня, рассматривая внимательно, вертя в разные стороны, как куклу, ощупывая мои руки, плечи, словно проверяя тело мое на крепость. Они вертели мою голову, запускали пальцы в мои волосы, и так пристально вглядывались в глаза, словно хотели рассмотреть, что там, на самом их дне.

Один из Эльфов как бы между делом, видя, что я морщусь от боли, пристроил на моей порванной щеке зеленый травяной пластырь и заклеил им же рассеченную бровь. Второй, чуть нагнув мою голову, внимательно рассматривало мое ухо. Он поворачивал мою голову то так, то этак... а потом вдруг резко дернул меня за оба уха сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.